

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

Невинная
— для —
**КАВКАЗСКОГО
БОССА**

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

18+

Александра Ветрова

Невинная для кавказского босса

«Автор»

2026

Ветрова А.

Невинная для кавказского босса / А. Ветрова — «Автор», 2026

Алина Воронова привыкла к тихой жизни реставратора: старые картины, пыльные архивы, размеренные дни. Но всё меняется, когда после смерти матери она находит старинную шкатулку — с фотографией незнакомых мужчин, ключом и запиской: «Не доверяй тем, кто назовёт тебя по имени». В тот же вечер у её дома появляется незнакомец. Так Алина оказывается втянута в опасную историю, корни которой уходят на тридцать лет назад — в прошлое её семьи и могущественного кавказского клана Аслановых. Единственный, кто может её защитить, — Рустам Асланов. Властный, холодный, безжалостный. Мужчина, которого боятся враги и обходят стороной даже партнёры. Он уверен: Алина знает больше, чем говорит. Она уверена: он — угроза не меньше тех, кто охотится за шкатулкой.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство	5
Глава 2. Незнакомец	7
Глава 3. Кавказский босс	10
Глава 4. Под защитой	14
Глава 5. Правила Рустама	18
Глава 6. Первая трещина	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александра Ветрова

Невинная для кавказского босса

Глава 1. Наследство

Дождь, мелкий и докучливый, как сама печаль, барабанил по стеклу, размывая очертания вечернего города за окном. Алина Воронова сидела на полу в гостиной своей небольшой квартиры, окруженная картонными коробками, которые еще хранили запах чужой жизни — смесь пыли, старого дерева и едва уловимого аромата лаванды, который так любила ее мать. Прошел месяц с похорон, но боль утраты не притупилась, она лишь сменила острую форму на тупую, ноющую пустоту внутри. Разбирать вещи было невыносимо, но еще невыносимее было оставлять их нетронутыми, словно мать могла в любую минуту вернуться и упрекнуть ее за это малодушие.

Алина была реставратором. Ее мир состоял из терпения, тонких кистей, запаха растворителей и благоговейной тишины архивов. Она умела возвращать к жизни то, что казалось безвозвратно утраченным: выцветшие полотна, изъеденные временем страницы рукописей, разбитые фарфоровые статуэтки. Но перед этой задачей — восстановить саму себя — она чувствовала себя бессильной. Ее собственная жизнь казалась ей сейчас старой, потрескавшейся картиной, с которой вот-вот осыплется последний слой краски.

Очередная коробка, подписанная рукой матери — аккуратным, чуть наклонным почерком, — была тяжелее остальных. Алина взрезала скотч ножницами и откинула картонные створки. Сверху лежали шерстяные пледы, переложенные газетами, чтобы не завелась моль. Она вынимала их один за другим, и когда дно коробки показалось пустым, ее пальцы наткнулись на что-то твердое под слоем старой ткани. Это была шкатулка.

Не обычная, каких множество продается в сувенирных лавках. Шкатулка была старинной, из темного, почти черного дерева, с потертой латунной окантовкой и крошечным, замысловатой формы замком. Алина никогда не видела ее раньше. В их доме не было места секретам, во всяком случае, так ей всегда казалось. Ее сердце пропустило удар. Пальцы, привыкшие к осторожному обращению с хрупкими вещами, медленно провели по крышке, ощущая шероховатость веков. Замок был не заперт. С легким, почти жалобным скрипом крышка поддалась.

Внутри, на выцветшем бархате цвета запекшейся крови, лежали три предмета. Первым был старый, массивный железный ключ, покрытый благородной ржавчиной, словно он открывал не дверь, а целую эпоху. Вторым — конверт из плотной бумаги, пожелтевший по краям, без единой пометки, без обратного адреса, без имени адресата. И третьим — фотография.

Черно-белая, с глянцевой поверхностью, она запечатлела момент, который, казалось, дышал другой жизнью. На фоне величественных гор, чьи вершины терялись в облаках, стояли четверо мужчин. Они были одеты в строгие костюмы, их лица были серьезны, а позы — исполнены той уверенной силы, которую дает лишь безграничная власть. Алина не знала никого из них. Но что-то в самой снимке, в том, как эти люди смотрели в объектив — не как позирующие, а как оценивающие, — заставило ее внутренне сжаться. В центре стоял мужчина с пронзительным, тяжелым взглядом, и именно от него исходила та самая незримая аура угрозы, которая словно пробивалась сквозь десятилетия, впиваясь в нее холодными иглами.

Она долго смотрела на фотографию, пытаясь найти хоть какое-то объяснение. Кто эти люди? Почему эта фотография хранилась у ее матери, которая всю жизнь проработала скромным библиотекарем и всегда чуждалась всего, что связано с деньгами и властью? Алина отложила снимок и взяла в руки конверт. Он был не запечатан. Внутри оказался сложенный вчетверо лист тонкой, почти папиросной бумаги. Развернув его, она увидела всего одну строчку,

написанную печатными буквами, словно автор хотел скрыть свой почерк. Или просто боялся, что его узнают.

«Не доверяй тем, кто назовет тебя по имени».

Фраза была абсурдной, лишенной смысла. Алина перечитала ее несколько раз, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. Это походило на начало дурного детектива, а не на реальность. Ее реальность была размеренной и предсказуемой: работа, дом, редкие встречи с подругой. В этой реальности не было места старинным ключам, загадочным фотографиям и пугающим посланиям из прошлого. Но вот они лежали перед ней, эти артефакты чужой, незнакомой жизни, и упрямо не желали исчезать.

Отложив записку, Алина снова взяла фотографию и поднесла ее к настольной лампе, пытаясь разглядеть детали. На заднем плане, за спинами мужчин, виднелась часть какого-то строения — то ли старинная башня, то ли часть крепостной стены. Пейзаж казался ей смутно знакомым, но она не могла вспомнить, где могла видеть подобное. Устав от бесплодных догадок, она решила сделать перерыв. Слишком много эмоций для одного вечера. Алина подошла к окну, чтобы задернуть шторы, и в этот момент ее взгляд скользнул по улице.

Дождь почти прекратился, оставив после себя лишь мокрый, блестящий асфальт, в котором отражались огни фонарей. Напротив ее дома, под раскидистым старым кленом, стоял мужчина. Он не прятался, не делал вид, что кого-то ждет. Он просто стоял, и его неподвижность была красноречивее любого движения. На нем было темное пальто, а лицо скрывала тень от капюшона. Алина почувствовала, как ее сердце снова сжалось от нехорошего предчувствия. Она жила на тихой улице, где по вечерам гуляли лишь собачники да влюбленные парочки. Этот человек не вписывался в привычную картину. И в тот момент, когда она подумала об этом, незнакомец медленно поднял голову и посмотрел прямо на ее окно.

Алина отшатнулась, словно он мог видеть ее сквозь стекло и кружевную занавеску. Сердце колотилось где-то в горле. Она прислонилась спиной к холодной стене, пытаясь убедить себя, что это совпадение, игра воображения, что она просто устала и перенервничала. Прошла целая минута, прежде чем она набралась смелости снова выглянуть на улицу. Мужчины под кленом уже не было. Растворился ли он в темноте, или ей все это показалось? Алина задернула шторы и включила свет во всей квартире, внезапно остро ощутив свое одиночество. Слова из записки с новой силой вспыхнули в памяти: «Не доверяй тем, кто назовет тебя по имени».

Она вернулась к шкатулке и еще раз пересмотрела ее содержимое. Ключ, фотография, записка. Прошрое, зашифрованное в этих вещах, вдруг перестало быть далеким и абстрактным. Оно подошло к ее дому, встало под окнами и посмотрело ей прямо в глаза. Алина поняла, что эта ночь не принесет ей сна. Она сидела на полу, сжимая в руке холодный железный ключ, и смотрела на безобидный, казалось бы, конверт, в котором лежала записка, перевернувшая все ее спокойное существование. Она еще не знала, что это только начало. Что за этой шкатулкой, за этой фотографией и за этой странной фразой скрывается мир, полный опасности, лжи и смертельных тайн, мир, в который она уже сделала свой первый, пока еще неосознанный шаг. И что человек, стоявший под окнами, был лишь первым вестником этого мира.

Глава 2. Незнакомец

Утро принесло с собой не облегчение, а лишь серый, промозглый свет, который, казалось, лишь подчеркивал тревогу, поселившуюся в душе Алины. Она так и не сомкнула глаз до рассвета, просидев на диване, укутавшись в плед и прислушиваясь к каждому шороху за дверью. Шкатулка лежала перед ней на журнальном столике, и в свете наступающего дня ее содержимое уже не казалось столь пугающим, но от этого не становилось менее загадочным. Алина взяла фотографию и, вооружившись лупой из своей профессиональной мастерской, принялась изучать детали с тем же тщанием, с каким когда-то исследовала подпись неизвестного художника на обороте старинного холста.

Мужчины на снимке были одеты по моде, которая, по ее приблизительным подсчетам, царила лет тридцать назад. Костюмы, галстуки, прически — все это выдавало эпоху, которую Алина знала лишь по фильмам и пожелтевшим страницам старых журналов. Но важнее было другое. На заднем плане, справа, за плечом одного из мужчин, виднелась вывеска. Она была размыта, но при увеличении Алине удалось разобрать несколько букв, которые складывались в слово «Аслан». Сердце ее забило чаще. Это была не просто фамилия, это был ключ. Ключ к разгадке.

Она отложила лупу и сразу же направилась к ноутбуку. Интернет в ее квартире работал с перебоями, но сегодня, как назло, сеть была стабильной. Алина вбила в поисковую строку запрос: «Аслан, компания, строительство, логистика». Результаты появились мгновенно, и первая же ссылка заставила ее затаить дыхание. «Рустам Асланов — основатель и генеральный директор группы компаний "Аслан-Холдинг"». Фотография, прикрепленная к статье, изображала мужчину, который, казалось, сошел со страниц криминальной хроники. Темные волосы, короткая ухоженная борода, пронзительный, тяжелый взгляд из-под густых бровей. Он был одет в безупречный темный костюм, и во всей его позе, в том, как он стоял, чуть расставив ноги, скрестив руки на груди, чувствовалась та самая безграничная уверенность, которая не требует доказательств. Это был тот самый мужчина, что стоял в центре фотографии. Только теперь ему было не тридцать, а тридцать четыре, и от этого он казался еще опаснее.

Алина углубилась в чтение. Статьи пестрели словами «успешный», «влиятельный», «неоднозначный». Писали о его благотворительности и о том, что его компания построила несколько крупных объектов в городе. Но между строк сквозило другое: упоминания о связях с криминальным миром, о том, что его имя неоднократно фигурировало в сводках, но всякий раз дело словно растворялось в воздухе, не оставляя следов. Рустам Асланов был человеком, к которому боялись поворачиваться спиной. И этот человек был как-то связан с ее матерью. С ее тихой, скромной матерью, которая всю жизнь прожила в маленькой квартире, окруженная книгами и старыми картинами.

Алина откинулась на спинку стула, чувствуя, как внутри все сжимается от противоречивых эмоций. Страх, любопытство, недоверие, злость — все это смешалось в один горький комок. Она не могла поверить, что мать могла быть замешана в чем-то, что связано с этим человеком. Но факты упрямо говорили об обратном. Взгляд Алины упал на часы. Близился полдень. Она решила, что не станет сидеть сложа руки. Она не из тех, кто ждет, пока буря сама постучится в дверь. В конце концов, она реставратор. Ее работа — находить утраченные связи, восстанавливать разорванные нити. И сейчас она чувствовала себя так, словно ей доверили реставрацию чьей-то искореженной судьбы, и первым шагом было понять, что именно она держит в руках.

Алина быстро собралась, натянула джинсы, свитер с высоким воротом и куртку. Шкатулку она решила взять с собой, но не всю. Фотографию и записку она спрятала во внутренний карман, а ключ, на всякий случай, положила в маленький кармашек рюкзака. Ей нужно было

в архив. В городской архив, где хранились подшивки старых газет и документов. Именно там она могла найти хоть какую-то зацепку, понять, что связывало ее мать с семьей Аслановых. Может быть, это была случайность, мимолетное знакомство? Она цеплялась за эту мысль, как за спасательный круг.

Улица встретила ее промозглым ветром и запахом мокрой листвы. Алина шла быстрым шагом, стараясь не оглядываться. Но чувство, что за ней наблюдают, не покидало ее. Это было иррациональное, почти животное ощущение, которое она гнала от себя прочь. «Ты просто перенервничала», — убеждала она себя. «Ты увидела тень, и твое воображение дорисовало остальное». Она почти поверила в это, когда завернула за угол и направилась к автобусной остановке. Но когда она обернулась, чтобы проверить, не идет ли автобус, то заметила в толпе прохожих знакомый темный силуэт. Мужчина в пальто с капюшоном. Он стоял на противоположной стороне улицы, не двигаясь, и смотрел ей вслед. Алина вздрогнула и заставила себя отвернуться. Ей нужно было быть осторожнее.

Архив располагался в старом, приземистом здании с колоннами, напоминавшем о прошлых эпохах. Внутри пахло пылью и старой бумагой, и этот запах немного успокоил Алину. Здесь она чувствовала себя в своей стихии. Она предъявила свой пропуск, объяснила, что ищет информацию о строительных компаниях и громких сделках тридцатилетней давности, и вскоре уже сидела за длинным столом, перед ней возвышалась стопка пожелтевших подшивок местной газеты «Городской вестник». Часы тянулись медленно. Она просматривала страницу за страницей, выискивая знакомую фамилию. И через два часа, когда пальцы уже начали неметь от бумаги, а глаза устали от мелкого шрифта, она нашла это. Небольшая заметка в разделе «Экономика», датированная двадцать восьмым мая. Речь шла о подписании крупного контракта между «Аслан-Холдингом» и компанией «Стройинвест». В статье упоминались имена, и среди них мелькнула фамилия, которая заставила Алину замереть. «Воронцов Дамир».

Отчим. Человек, который появился в их доме, когда ей было двенадцать, и исчез из их жизни так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь смутные воспоминания и странную, необъяснимую пустоту. Мать никогда не говорила о нем, а Алина, будучи подростком, не задавала вопросов. И теперь его имя всплыло в одной статье с Рустамом Аслановым. Это не могло быть совпадением. Это была та самая нить, которую она искала.

Алина сделала пометку в блокноте и уже собиралась продолжить поиски, как вдруг свет в читальном зале мигнул и погас. На мгновение воцарилась полная темнота, а затем вспыхнул аварийный свет, залив помещение болезненно-белым сиянием. Послышались встревоженные голоса немногочисленных посетителей. Алина подняла голову, пытаясь понять, что происходит. В этот момент она заметила, что дверь в конце зала, ведущая в коридор, приоткрылась. В проеме стоял мужчина. Его лицо было скрыто в тени, но фигура, темное пальто — все это было знакомо. Он сделал шаг в зал.

Алина вскочила со стула, едва не опрокинув его. Сердце ее колотилось где-то в горле, а в ушах шумело. Она схватила рюкзак и бросилась в противоположную сторону, к другому выходу. Но незнакомец оказался быстрее. Он двигался бесшумно и стремительно, словно хищник. Алина не успела сделать и нескольких шагов, как чья-то рука грубо схватила ее за локоть. Она вскрикнула, попыталась вырваться, но хватка была железной.

— Тише, — прошипел голос над ее ухом. — Не устраивай сцен.

Алина обернулась и встретила взглядом с холодными, как сталь, глазами. Это был не тот, кто следил за ней. Это был другой мужчина. Молодой, с резкими чертами лица и шрамом, пересекавшим бровь. Он держал ее крепко, и в его взгляде не было ничего, кроме угрозы.

— Кто вы такой? — выдавила она, пытаясь придать голосу твердости. — Отпустите меня!

— Мне нужна шкатулка, — сказал он, игнорируя ее вопрос. — Та, что ты нашла. Отдай ее, и никто не пострадает.

Алина похолодела. Значит, за ней следили не просто так. Значит, они знают о шкатулке. И этот человек был готов на все, чтобы ее получить. Она попыталась отступить назад, но он лишь сильнее сжал ее руку.

— У меня нет никакой шкатулки, — соврала она, чувствуя, как предательски дрожит голос. — Я не понимаю, о чем вы.

— Не ври, — процедил он сквозь зубы. — Мы знаем, что она у тебя. И мы знаем, кто ты. Алина Воронова. Дочь своей матери. — Он произнес ее имя с какой-то особой, зловещей интонацией, и от этого стало по-настоящему страшно. — Ты думаешь, что можешь играть в свои игры? Это не игрушки. Отдай мне то, что тебе не принадлежит.

В этот момент в коридоре, откуда он пришел, послышались быстрые, тяжелые шаги. Мужчина на мгновение отвлекся, обернувшись на звук, и этого мгновения Алине хватило, чтобы рвануть руку и отскочить в сторону. Но далеко убежать она не успела. Дверь распахнулась, и в зал ворвался еще один человек. Высокий, широкоплечий, в черном пальто. Его лицо было искажено яростью, а движения были стремительны и точны. Он схватил нападавшего за плечо и с силой отшвырнул его от Алины. Мужчина со шрамом пошатнулся, но удержался на ногах и потянулся рукой за пазуху.

— Не советую, — холодно произнес вновь прибывший. Голос его был низким, с едва уловимым акцентом, и в нем звучала такая абсолютная, непоколебимая власть, что рука нападавшего замерла на полпути.

Алина, прижавшаяся к стене, перевела взгляд на своего спасителя и узнала его. Это был он. Рустам Асланов. Мужчина с фотографии. Только теперь он был не черно-белым призраком прошлого, а живым, дышащим воплощением опасности. Его глаза, темные и глубокие, на мгновение встретились с ее глазами, и в этом взгляде не было ни тепла, ни сочувствия. Только холодный, безжалостный расчет.

Мужчина со шрамом, оценив ситуацию, медленно опустил руку. Он бросил на Алину короткий, полный злобы взгляд, а затем, не говоря ни слова, быстро скрылся в коридоре, откуда пришел. Рустам не стал его преследовать. Он повернулся к Алине, и его взгляд снова скользнул по ней, словно оценивая повреждения на дорогом полотне. В читальном зале воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь гулом аварийного света.

— Вы в порядке? — спросил он. Голос его звучал ровно, но в нем чувствовалась сдерживаемая ярость.

Алина, все еще дрожащая, но полная решимости не показывать свой страх, выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза. Она не знала, кто он ей — враг или защитник, но одно она понимала точно: этот человек знал гораздо больше, чем говорил. И она намеревалась это выяснить.

— Кто вы такой? — спросила она, и ее голос, к ее собственному удивлению, прозвучал твердо. — И откуда вы знаете мое имя?

Рустам чуть склонил голову набок, и на его губах появилась едва заметная, холодная усмешка. Он сделал шаг к ней, и Алина инстинктивно отступила, чувствуя, как от него исходит та самая аура опасности, которую она ощутила, еще глядя на старую фотографию. Он явно знал, кто она. И теперь, когда их пути пересеклись в реальности, у Алины возникло отчетливое ощущение, что ее спокойная жизнь закончилась в тот самый момент, когда она открыла крышку бабушкиной шкатулки.

— Я тот, — произнес он медленно, чеканя каждое слово, — кто только что спас вам жизнь, Алина Воронова. И я хочу знать, почему за вами охотятся люди, которые должны были исчезнуть много лет назад. А для этого, — он сделал еще один шаг, и теперь между ними не было и метра расстояния, — нам с вами придется поговорить. Серьезно поговорить.

Глава 3. Кавказский босс

Рустам не стал ждать ее ответа. Он просто взял Алину за локоть — не грубо, но с той непререкаемой уверенностью, которая не допускала возражений, — и повел ее к выходу из архива. Алина попыталась было запротестовать, но голос застрял где-то в горле, а ноги сами несли ее следом, словно тело уже поняло то, что разум отказывался принимать: этот человек был ее единственной защитой в водовороте, который закручивался вокруг нее с пугающей скоростью.

На улице их ждал черный внедорожник с тонированными стеклами. Рустам открыл заднюю дверь и жестом указал Алине внутрь. Она замешкалась на мгновение, оглядываясь по сторонам в поисках того мужчины со шрамом, но улица была пуста, и лишь мокрый асфальт отражал серое небо. Алина скользнула на кожаное сиденье, и Рустам тут же оказался рядом, захлопнув дверь с глухим, почти могильным звуком. Машина тронулась с места плавно и бесшумно, словно они плыли по воздуху, а не ехали по городским улицам.

В салоне пахло дорогой кожей, сандаловым деревом и едва уловимым ароматом мужского парфюма — терпким, с нотками табака и чего-то пряного, восточного. Алина сидела, вжавшись в угол сиденья, и смотрела прямо перед собой, пытаясь унять дрожь в руках. Она не знала, куда ее везут. Она не знала, что этому человеку от нее нужно. И больше всего ее пугало то, что она не понимала, чего ожидать дальше. Ее жизнь, еще утром казавшаяся просто сложной и печальной, теперь превратилась в стремительный поток, в котором она барахталась, не в силах найти опору.

Рустам молчал. Он смотрел в окно, и его профиль, резкий и властный, четко вырисовывался на фоне проплывающих мимо городских пейзажей. Алина украдкой рассматривала его, пытаясь найти хоть что-то человеческое в этом лице, которое, казалось, было высечено из камня. Она видела глубокую морщину между бровей, говорившую о том, что этот человек привык хмуриться, видела плотно сжатые губы, не знавшие улыбки, видела руки, лежавшие на коленях — большие, сильные, с длинными пальцами и широкими костяшками. Эти руки не были руками кабинетного работника. Они знали, что такое тяжелый труд, а возможно, и что-то похуже.

Машина выехала за город, и пейзаж за окном сменился с серых зданий на заснеженные поля и темные, молчаливые леса. Алина наконец не выдержала.

— Куда вы меня везете? — спросила она, и ее голос, прозвучавший в тишине салона, показался ей самой тонким и жалким. — Я требую объяснений. Вы не имеете права...

— У меня есть право, — перебил он ее, не поворачивая головы. — Я спас вам жизнь. Это дает мне право на некоторые ответы. И уж точно дает право не слушать ваши обвинения. Пока не слушать.

— Вы спасли мне жизнь? — Алина почувствовала, как внутри поднимается волна негодования, смывая страх. — Вы появились там, как будто ждали этого! Как будто знали, что на меня нападут! Может быть, это вы и организовали? Может быть, это вы тот, кто хочет получить шкатулку, и весь этот спектакль — лишь способ запугать меня?

Рустам наконец повернулся к ней. Его глаза сузились, и в них вспыхнула опасная искра. Он подался вперед, и Алина инстинктивно отшатнулась, но отступать было некуда — за спиной была дверь.

— Послушайте меня внимательно, Алина Воронова, — произнес он тихо, но с такой отчетливой угрозой, что каждое слово падало, как удар хлыста. — Если бы я хотел причинить вам вред, вы бы сейчас не сидели здесь и не разговаривали со мной. Вы бы вообще уже не разговаривали. Вы понимаете, о чем я? Я не тот человек, с которым можно играть в игры и

строить догадки. Я не похититель и не спасатель по вызову. Я тот, кто оказался в нужном месте в нужное время, потому что следил за вами.

— Следили? — Алина похолодела. — Значит, это вы... тот мужчина под окнами?

— Не я, — коротко ответил он, откидываясь на спинку сиденья. — Но мои люди. Я узнал, что кто-то интересуется вами. И у меня были основания полагать, что этот интерес не сулит вам ничего хорошего. Как видите, я не ошибся.

Машина свернула на узкую, посыпанную гравием дорогу, которая вела вглубь леса. Вскоре впереди показались высокие кованые ворота, которые медленно разошлись в стороны, пропуская автомобиль на территорию. Алина прильнула к окну. За воротами раскинулся огромный участок, на котором возвышался дом — нет, не дом, а настоящий особняк, построенный из темного камня и дерева, с большими окнами, из которых лился теплый, золотистый свет. Вокруг дома был разбит ухоженный сад, а вдалеке, за деревьями, угадывалось какое-то строение, похожее на конюшню.

Машина остановилась у главного входа. Рустам вышел первым и, не оборачиваясь, направился к дверям. Алина помедлила секунду, но потом все же последовала за ним. Ей ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Она чувствовала себя маленькой лодкой, которую шторм выбросил на чужой, незнакомый берег.

Внутри особняк оказался еще более впечатляющим, чем снаружи. Высокие потолки, массивная деревянная лестница, ведущая на второй этаж, огромный камин в гостиной, в котором потрескивали дрова. Все здесь говорило о богатстве, о вкусе и о той основательности, которая не терпит суеты. Рустам провел ее в просторную комнату, которая, судя по всему, служила кабинетом. Здесь стоял большой письменный стол, заваленный бумагами, кожаный диван, несколько стеллажей с книгами. Он жестом указал ей на кресло, а сам остался стоять, прислонившись к краю стола и скрестив руки на груди.

— Садитесь, — сказал он. — И расскажите мне все. С самого начала. Что вы нашли, где нашли и почему, черт возьми, за вами охотятся люди, которых я считал давно исчезнувшими.

Алина села в кресло, чувствуя, как пружины мягко прогибаются под ней. Она подняла глаза на Рустама. Сейчас, в свете настольной лампы, он казался ей не столько пугающим, сколько уставшим. Тень легла на его лицо, и в этой тени она вдруг увидела не всемогущего босса, а человека, несущего на своих плечах груз, который был ей неведом. Но это не отменяло того факта, что он держал ее здесь против ее воли.

— Я не стану ничего рассказывать, — произнесла она, и в ее голосе зазвучала та самая упрямая нотка, которая когда-то помогала ей выживать в самые трудные времена. — Пока вы не объясните мне, кто вы и откуда знаете мою мать. И моего отчима.

Рустам прищурился. Он явно не привык к тому, чтобы ему перечили. В комнате повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине где-то в глубине дома. Алина видела, как на его скулах заиграли желваки, и поняла, что он сдерживается. Сдерживается изо всех сил.

— Хорошо, — наконец произнес он, и в его голосе прозвучала странная смесь раздражения и уважения. — Вы хотите правды? Вы ее получите. Но не потому, что я вам что-то должен. А потому, что вы, сами того не понимая, вляпались в историю, которая касается меня и моей семьи гораздо больше, чем вас.

Он отошел от стола и направился к одному из стеллажей. Открыв дверцу, он достал оттуда старую, потрепанную папку и положил ее перед Алиной. Затем, помедлив мгновение, он вынул из внутреннего кармана пиджака фотографию — ту самую, что Алина нашла в шкафу. Только у него она была в единственном экземпляре, и он бережно, почти благоговейно, положил ее поверх папки.

— Эту фотографию сделали тридцать лет назад, — сказал он, и голос его стал глухим, лишенным прежней жесткости. — На ней запечатлены четверо мужчин. Они были партнерами.

Они построили бизнес, который до сих пор приносит деньги. Но они же были и врагами. Они предали друг друга, и эта фотография — единственное, что осталось от их общего прошлого. — Он ткнул пальцем в одного из мужчин, стоявшего слева, того, чье лицо показалось Алине смутно знакомым. — Этот человек — мой отец. А этот, — его палец переместился на мужчину справа, — Дамир Воронцов. Ваш отчим.

Алина почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она смотрела на фотографию, но теперь видела ее совсем другими глазами. Эти люди не были незнакомцами. Они были частью ее жизни, частью ее прошлого, о котором она ничего не знала.

— Но это еще не все, — продолжил Рустам, и в его голосе зазвучала боль, тщательно скрываемая, но все же прорывающаяся наружу. — В центре стоит мой старший брат. Артур. Он был... он был хорошим человеком. Лучшим из нас. Он занимался делами отца, пытался вести бизнес честно, не так, как другие. И он погиб. Официально — несчастный случай. На самом деле — его убили. И я долгие годы считал, что убийца — кто-то из семьи Воронцовых. Я считал, что ваш отчим был организатором. Я искал доказательства. И вот, спустя столько лет, я нахожу вас. С фотографией, о которой никто не должен был знать. С ключом, который, я уверен, открывает то, что может пролить свет на смерть моего брата.

Он замолчал, и в комнате снова воцарилась тишина. Алина смотрела на фотографию, на лица этих мужчин, и чувствовала, как внутри нее рушится стена, которую она так долго выстраивала между собой и прошлым своей семьи. Ее мать, ее тихая, скромная мать, была замужем за человеком, который, возможно, был убийцей. И теперь она, Алина, оказалась втянута в эту давнюю историю, как в паутину, из которой не было выхода.

— Я не знаю ничего о смерти вашего брата, — прошептала она, и голос ее дрогнул. — Я не знаю, что в этой шкатулке. Я просто нашла ее среди вещей матери. Я не хотела... я не просила об этом.

Рустам медленно подошел к ней. Он опустился на корточки перед креслом, и теперь его глаза оказались на одном уровне с ее глазами. В них больше не было холода. Была усталость, была боль и было что-то еще — что-то, что заставило Алину замереть.

— Я знаю, что вы не просили, — сказал он тихо. — Но вы уже в этом. И те люди, которые напали на вас в архиве, не отстанут. Они хотят получить шкатулку. Они хотят получить ключ. И они не остановятся ни перед чем. Поэтому вы останетесь здесь. Я не отпущу вас, пока не пойму, что происходит. И пока не найду того, кто убил моего брата.

Алина открыла рот, чтобы возразить, чтобы сказать, что она не собирается быть пешкой в его игре, что она не позволит ему решать за нее. Но слова застряли в горле. Потому что где-то в глубине души она понимала: он прав. Она была в опасности. И этот человек, этот холодный, властный, пугающий кавказский босс, был единственным, кто мог ее защитить. По крайней мере, сейчас.

— Я останусь, — произнесла она наконец, и в ее голосе не было смирения, а была лишь вынужденная необходимость. — Но только до тех пор, пока не выясню правду о своей матери. И о том, что действительно произошло тридцать лет назад.

Рустам медленно кивнул. В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Договорились, — сказал он, поднимаясь. — Но в моем доме действуют мои правила. И первое из них: вы не покидаете территорию без моего ведома. Вы не разговариваете с посторонними. И вы не предпринимаете никаких действий за моей спиной. Если вы согласны на эти условия, я обещаю, что сделаю все, чтобы защитить вас и найти ответы. Если нет... — он развел руками, словно показывая, что в таком случае он умывает руки.

Алина посмотрела на него снизу вверх. Она чувствовала себя загнанной в угол, но где-то в глубине души, в самом ее потаенном уголке, где жили упрямство и воля к жизни, она уже приняла решение. Она не станет жертвой. Она станет исследователем. Она будет искать правду,

даже если для этого ей придется играть по правилам этого опасного человека. И, возможно, однажды она найдет способ перевернуть эту игру в свою пользу.

— Я согласна, — сказала она, и в ее голосе прозвучала твердость, которой она сама от себя не ожидала. — Но и вы должны пообещать мне одну вещь.

Рустам поднял бровь.

— Какую?

— Когда вы найдете того, кто убил вашего брата, — произнесла Алина, глядя ему прямо в глаза, — вы не станете судить его сам. Вы передадите его властям. Иначе вы ничем не лучше тех, кого пытаетесь наказать.

В комнате повисла тишина. Рустам смотрел на нее долгим, испытующим взглядом. Алина видела, как в его глазах борется что-то — гнев, удивление, возможно, даже ярость. Но потом что-то дрогнуло в его лице, и он медленно, почти незаметно, кивнул.

— Посмотрим, — сказал он уклончиво. — Все зависит от обстоятельств. А теперь отдыхайте. Завтра у нас будет долгий день. И, Алина... — Он уже стоял в дверях, и его фигура четко вырисовывалась на фоне освещенного коридора. — Не пытайтесь сбежать. Это единственное, о чем я прошу вас по-настоящему.

Он вышел, и дверь за ним закрылась с мягким щелчком. Алина осталась одна в огромном кабинете, среди чужих вещей, чужих тайн и чужой боли. Она посмотрела на фотографию, лежавшую на столе, на лица мужчин, которые когда-то были друзьями, а стали врагами. И где-то в глубине ее существа, в самом сердце, зародилось странное чувство: она больше не была просто Алиной Вороновой, скромным реставратором. Она была частью истории, которая началась задолго до ее рождения и которая теперь требовала своего завершения.

Глава 4. Под защитой

Алина проснулась от того, что кто-то осторожно тронул ее за плечо. Она открыла глаза и на мгновение не поняла, где находится. Потолок был слишком высоким, окно — слишком большим, а запах — незнакомым, смесью воска, старого дерева и хвои. Потом память вернулась, и вместе с ней вернулась тревога. Она резко села на кровати и увидела перед собой пожилую женщину в темном платье и белом фартуке, которая смотрела на нее с мягкой, почти материнской заботой.

— Доброе утро, — произнесла женщина с легким акцентом. — Рустам Асланович просил разбудить вас к завтраку. Он ждет вас в столовой.

Алина кивнула, все еще пытаясь собраться с мыслями. Женщина вышла, бесшумно приотворив за собой дверь, и Алина осталась одна в просторной спальне, обставленной с той же основательностью, что и весь дом. Она встала, подошла к окну и раздвинула тяжелые шторы. За стеклом открывался вид на заснеженный сад, который в утреннем свете казался почти сказочным. Где-то вдалеке виднелись верхушки гор, и Алина поняла, что особняк Рустама расположен в предгорьях, вдали от городской суеты. Это было красиво, но одновременно и тревожно: она была отрезана от внешнего мира, в месте, которое принадлежало ему целиком и полностью.

Она быстро умылась в примыкавшей к спальне ванной, надела вчерашнюю одежду и спустилась вниз по широкой лестнице, стараясь запомнить дорогу. Вчера вечером она была слишком напугана и растеряна, чтобы обращать внимание на планировку дома, но сейчас, при свете дня, она отметила про себя несколько выходов, несколько коридоров, которые вели в неизвестные ей части особняка. Это было профессиональное — она привыкла подмечать детали, и сейчас это умение могло ей пригодиться.

В столовой, за длинным дубовым столом, Рустам сидел в одиночестве, листая какие-то бумаги. Перед ним стояла чашка кофе, и Алина отметила, что он выглядит иначе, чем вчера: на нем была простая черная рубашка с закатанными рукавами, волосы были чуть влажными после душа, и в этом неформальном виде он казался моложе и... доступнее, что ли. Но стоило ему поднять на нее глаза, как иллюзия рассеялась. Взгляд его был таким же пронзительным и холодным, как и прежде.

— Садитесь, — сказал он, указывая на стул напротив. — Ешьте. Нам предстоит долгий разговор.

Алина села, и тут же перед ней появилась та же женщина, что будила ее, с подносом, на котором были свежие лепешки, сыр, мед и фрукты. Запах был настолько аппетитным, что Алина, которая не ела со вчерашнего утра, почувствовала, как заурчало в животе. Она взяла лепешку и откусила кусок, стараясь делать это как можно более невозмутимо.

— Я хочу поехать домой, — сказала она, прожевав. — Мне нужно забрать кое-какие вещи. И я должна предупредить на работе, что задержусь.

Рустам оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на нее так, словно она сказала что-то несусветное.

— Домой? — переспросил он, и в его голосе прозвучала нотка снисходительного удивления. — Вы, кажется, не совсем понимаете ситуацию. Те люди, которые напали на вас в архиве, знают, где вы живете. Они знают, где вы работаете. Возвращаться туда — это все равно что добровольно залезть в клетку к тигру.

— Но у меня есть жизнь, — возразила Алина, и в ее голосе зазвучало раздражение. — У меня есть обязательства. Я не могу просто исчезнуть на неопределенный срок.

— Можете, — отрезал Рустам. — И сделаете это. Потому что альтернатива — это то, что вы видели вчера. Или хуже. Вы думаете, что те люди просто хотели поговорить? Они хотели

получить то, что у вас есть. И они не остановятся, пока не получат это. Или пока вы не станете для них бесполезны. А бесполезные свидетели, Алина, долго не живут.

Алина отложила лепешку. Аппетит пропал. Она посмотрела на Рустама, и в ее глазах загорелся тот самый упрямый огонь, который она унаследовала от матери.

— Я не свидетель, — произнесла она тихо, но твердо. — Я просто девушка, которая нашла старую шкатулку. Я не знаю, что там за документы, не знаю, кому они нужны, и не знаю, почему все это происходит. Я не просила об этом.

— Именно поэтому вы здесь, — сказал Рустам, и в его голосе прозвучала странная смесь жесткости и терпения. — Потому что вы не знаете. Но вы можете узнать. Вы реставратор. Вы привыкли работать с документами, с деталями, с тем, что скрыто от глаз. Я предлагаю вам сделку: вы помогаете мне разобраться в том, что находится в шкатулке, а я обеспечиваю вашу безопасность. Это не тюрьма, Алина. Это убежище. Разница есть.

Алина молчала, обдумывая его слова. Она не доверяла ему. Не могла доверять человеку, который за одну ночь перевернул ее жизнь, который держал ее в своем доме, который смотрел на нее так, словно она была не человеком, а задачей, которую нужно решить. Но в его словах была правда. И эта правда была страшнее всего.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я останусь. На время. Но я хочу, чтобы вы кое-что сделали для меня.

Рустам поднял бровь, ожидая продолжения.

— Я хочу, чтобы вы послали кого-нибудь ко мне домой, — произнесла Алина. — За моими рабочими инструментами и ноутбуком. И за коробкой, в которой была шкатулка. Там могут быть и другие вещи, которые я не заметила. Если мы собираемся разобраться в этом, мне нужно работать.

Рустам смотрел на нее несколько секунд, а потом в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я отправлю Тимура. Он мой двоюродный брат и мой помощник. Ему можно доверять.

Он достал телефон и быстро набрал сообщение. Затем снова посмотрел на Алину.

— А теперь, — произнес он, и в его голосе появилась деловая нотка, — расскажите мне все, что вы знаете о своей матери. О ее прошлом. О том, как она познакомилась с Дамиром Воронцовым. Все, что помните. Даже мелочи.

Алина глубоко вздохнула. Она не любила говорить о прошлом. Оно было полно боли и пустоты. Но сейчас это прошлое перестало быть просто воспоминаниями. Оно стало ключом к разгадке, и она это понимала.

— Моя мать, — начала она, и голос ее дрогнул, — была необыкновенной женщиной. Она работала в библиотеке, но у нее было два высших образования. Историческое и юридическое. Она знала несколько языков. Она могла бы сделать карьеру, но предпочла тихую жизнь. Я никогда не понимала почему. Теперь, кажется, начинаю догадываться.

Рустам слушал внимательно, не перебивая. Алина рассказала ему о том, как мать встретила Дамира Воронцова, когда ей было двенадцать. Как он появился в их жизни — обаятельный, уверенный, с деньгами и связями. Как он дарил ей дорогие подарки и обещал золотые горы. Как мать, казалось, была счастлива. А потом, так же внезапно, как и появился, Дамир исчез. Мать никогда не объясняла почему. Просто сказала, что он уехал и больше не вернется. И с тех пор в их доме словно погас свет. Мать стала замкнутой, молчаливой, и Алина, будучи подростком, списала это на депрессию. Теперь она понимала, что это был страх.

— Вы знаете, чем занимался Дамир? — спросил Рустам, когда она закончила.

— Нет, — честно ответила Алина. — Он никогда не говорил о работе. Я была ребенком. Мне это было неинтересно.

Рустам нахмурился, словно ожидал другого ответа. Он встал из-за стола и подошел к окну, глядя на заснеженный сад. Его спина была напряжена, и Алина в очередной раз поразила тому, как этот человек умеет быть одновременно неподвижным и полным сдерживаемой энергии.

— Дамир Воронцов, — произнес он медленно, словно читая лекцию, — был не просто бизнесменом. Он был посредником. Человеком, который связывал разные, скажем так, интересы. Он знал всех. Он знал моего отца, моего брата, он знал людей, которые не любят, когда о них говорят вслух. И он исчез. Исчез вместе с документами, которые могли отправить многих за решетку. Я много лет искал эти документы. И, судя по всему, они оказались у вашей матери. А теперь — у вас.

Алина почувствовала, как холодок пробегает по спине. Она вспомнила записку в конверте: «Не доверяй тем, кто назовет тебя по имени». Кто мог написать это? Ее мать? Дамир? Или кто-то третий, кто знал о существовании шкатулки?

— Если документы у меня, — произнесла она медленно, — то почему они просто не заберут их? Зачем все эти игры?

Рустам повернулся к ней. Его лицо было мрачным.

— Потому что они не знают, где именно вы их храните, — ответил он. — И потому что они не уверены, что вы не сделали копии. И потому что, возможно, они хотят использовать вас, чтобы найти что-то еще. Что-то более важное, чем сами документы.

Он подошел к столу и взял со стола свой телефон. На экране было новое сообщение. Рустам прочитал его, и его лицо потемнело. Он протянул телефон Алине.

— Посмотрите, — сказал он коротко.

Алина взяла телефон. На экране была фотография. Ее рабочий стол в мастерской. Ее инструменты, аккуратно разложенные на салфетке. И — что было самым страшным — на столе лежала фотография, которую она вчера оставила дома. Та самая, из шкатулки. Кто-то сфотографировал ее рабочий стол, прежде чем она успела туда вернуться. Кто-то был в ее мастерской. Кто-то знал, где она работает. И этот кто-то хотел, чтобы она знала, что они знают.

Алина почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она отдала телефон Рустаму и обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь.

— Это пришло только что, — сказал Рустам. — С незнакомого номера. Они следят за вами. И они хотят, чтобы вы это поняли.

Он помолчал, а затем добавил, и в его голосе прозвучала неожиданная мягкость:

— Теперь вы понимаете, почему я не могу вас отпустить?

Алина кивнула. Она вдруг остро ощутила, насколько близка была к тому, чтобы оказаться в руках этих людей. Если бы Рустам не появился в архиве вовремя... Она даже боялась думать о том, что могло бы произойти.

— Я останусь, — сказала она тихо. — Я сделаю все, что вы скажете. Только... найдите их. Пожалуйста. Найдите того, кто это делает.

Рустам смотрел на нее долгим, внимательным взглядом. В этом взгляде было что-то такое, чего Алина не видела раньше. Что-то, что заставило ее поверить: этот человек, при всей своей жесткости и власти, действительно сделает все, чтобы ее защитить. Не из благородства, не из доброты, а потому что это было частью его собственного плана. Но в данный момент это было неважно. Важно было то, что она больше не одна в этом кошмаре.

— Я найду их, — пообещал Рустам. — А теперь идите. Отдохните. Тимур привезет ваши вещи к вечеру. А завтра мы начнем работать с тем, что у вас есть.

Алина встала из-за стола и направилась к двери. У самого выхода она обернулась.

— Рустам, — произнесла она, и его имя прозвучало в ее устах непривычно, словно она пробовала его на вкус. — Спасибо. За то, что спасли меня.

Он ничего не ответил. Просто смотрел на нее, и в его темных глазах было что-то такое, что заставило ее сердце пропустить удар. Она вышла из столовой и направилась вверх, в свою комнату, чувствуя, как напряжение последних дней понемногу отпускает ее. Она не знала, что ждет ее впереди. Но она знала одно: она больше не жертва. Она — часть истории, и эта история только начинается.

Глава 5. Правила Рустама

К вечеру того же дня Тимур привез вещи Алины. Она услышала, как во дворе остановилась машина, и подошла к окну. Из внедорожника вышел мужчина — высокий, стройный, с темными волосами, забранными в аккуратный хвост, и той же уверенной, хищной грацией, что отличала Рустама. Но если Рустам был холоден и собран, как клинок, то этот мужчина, казалось, излучал спокойствие и даже какое-то добродушие. Он достал из багажника две большие сумки и направился к дому, и Алина, помедлив мгновение, спустилась вниз, чтобы встретить его.

— Алина? — спросил он, останавливаясь в холле и окидывая ее внимательным, но не враждебным взглядом. — Я Тимур. Рустам просил привезти ваши вещи. Надеюсь, ничего не забыл.

Он поставил сумки на пол и протянул ей руку. Алина пожала ее — рукопожатие было крепким, но не грубым, и в глазах Тимура мелькнула теплая, почти дружеская искра.

— Спасибо, — сказала она, чувствуя, как на душе становится немного легче. — Вы не представляете, как я благодарна. Там, в сумках... все на месте?

— Все, как вы просили, — ответил Тимур. — Инструменты, ноутбук, коробка. Я также прихватил кое-какие вещи из ванной и шкафа — на случай, если вы задержитесь. Рустам сказал, что вы можете остаться на неопределенный срок.

Алина кивнула, но в его словах ей послышался скрытый вопрос. Она посмотрела на Тимура внимательнее. Он был моложе Рустама, но в его облике чувствовалась та же порода — та же уверенность, та же привычка к власти. Однако было в нем что-то еще. Что-то, что заставляло Алину насторожиться. Может быть, слишком пристальный взгляд, может быть, слишком мягкая улыбка, которая не достигала глаз. Она не могла объяснить это чувство, но оно было, и она решила запомнить его.

— Рустам говорил, что вы его двоюродный брат, — произнесла она, чтобы заполнить паузу.

— Да, — коротко ответил Тимур. — Мы выросли вместе. Я знаю его лучше, чем кто-либо. И поверьте мне, Алина, если он взял вас под свою защиту, значит, он готов на многое. Он не бросает слов на ветер.

В этот момент из кабинета вышел Рустам. Он бросил быстрый взгляд на Тимура, на сумки, на Алину, и его лицо осталось непроницаемым.

— Тимур, — сказал он, и в его голосе прозвучала странная смесь приветливости и настороженности. — Спасибо, что привез. Ты останешься на ужин?

— Нет, — ответил Тимур, качая головой. — У меня дела в городе. Но я заеду завтра утром. Нам нужно обсудить кое-что по компании.

Он попрощался с Алиной легким кивком и вышел. Дверь за ним закрылась, и Алина вдруг почувствовала, что воздух в холле стал чище. Она не могла понять, почему Тимур вызвал у нее такую реакцию. Может быть, она просто стала слишком подозрительной. Может быть, после всего, что случилось, она видела врагов в каждом, кто улыбался.

Рустам проводил ее в гостиную, где уже был накрыт ужин. Они ели молча, и эта тишина не была тягостной, но и не была уютной. Она была рабочей, как пауза между двумя важными разговорами. Алина чувствовала, что Рустам что-то обдумывает, и ждала, когда он заговорит. И он заговорил.

— Завтра утром я уезжаю в город по делам, — произнес он, отставляя тарелку. — Вернусь к вечеру. Пока меня не будет, вы останетесь здесь. И я хочу, чтобы вы соблюдали определенные правила.

Алина подняла на него глаза. В его голосе не было просьбы. Это был приказ.

— Какие правила? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Первое, — начал Рустам, и его тон стал жестким, деловым. — Вы не покидаете территорию дома. Ни при каких обстоятельствах. Ворота закрыты, и охрана предупреждена. Если вам нужно что-то из города, скажите мне или Тимуру, и это привезут.

Алина кивнула. Это она уже слышала.

— Второе, — продолжил он. — Вы не отвечаете на звонки с незнакомых номеров. Если кто-то позвонит на ваш телефон, вы не берете трубку. Если придет сообщение, вы не открываете его. Вы сразу сообщаете мне.

— Хорошо, — сказала Алина, хотя внутри у нее начинало закипать раздражение. Она чувствовала себя ребенком, которого наставляют перед первым учебным днем.

— Третье, — Рустам чуть подался вперед, и его глаза сузились. — Вы не выходите из дома после наступления темноты. Даже в сад. Даже на минуту. Я не хочу, чтобы вы оказались в ситуации, когда я не смогу вас защитить.

— А если мне нужно будет в туалет ночью? — не удержалась Алина, и в ее голосе прозвучала колкость.

Рустам посмотрел на нее так, словно она только что сказала что-то неслыханно дерзкое. Его скулы напряглись, и Алина поняла, что перегнула палку. Но отступить было поздно.

— В доме есть санузел, — ответил он ледяным тоном. — И я не думаю, что вам потребуется выходить за его пределы.

— А если я захочу приготовить себе чай? — продолжила Алина, чувствуя, как внутри поднимается волна упрямства. — Или почитать в библиотеке? Или просто пройтись по коридору? Вы хотите, чтобы я сидела в своей комнате, как в клетке?

Рустам откинулся на спинку стула. На его губах появилась едва заметная усмешка, но в глазах не было ни капли веселья.

— Вы можете ходить по дому, — сказал он медленно, словно объясняя очевидное. — Вы можете готовить чай, читать, смотреть телевизор, заниматься своими документами. Вы можете делать все, что угодно, в пределах этой территории. Но вы не покидаете ее. Это не клетка, Алина. Это периметр безопасности. И пока вы внутри него, я могу гарантировать, что с вами ничего не случится. За его пределами — не могу.

Алина хотела возразить, но что-то в его голосе — глухое, почти усталое — остановило ее. Она вдруг поняла, что он не просто отдает приказы. Он боится. Боится, что она пострадает, и что вина за это ляжет на него. Эта мысль была неожиданной, и она на мгновение лишила ее дара речи.

— Хорошо, — сказала она наконец, и в ее голосе больше не было вызова. — Я буду соблюдать ваши правила.

Рустам кивнул, и напряжение, висевшее между ними, немного спало. Он встал из-за стола.

— Я покажу вам дом, — сказал он. — Чтобы вы знали, где что находится. Это тоже часть безопасности.

Он провел ее по первому этажу, показывая гостиные, библиотеку, кухню, комнату для охраны. Дом был огромным, но обжитым, и Алина с удивлением отметила, что здесь есть вещи, которые не вязались с образом безжалостного босса. На полке в гостиной стояли фотографии — дети, старики, женщины. Семья. В библиотеке она заметила несколько книг по искусству, и некоторые из них были ей знакомы. Она даже увидела монографию о реставрации старинных фресок, которую сама недавно читала.

— Вы интересуетесь искусством? — спросила она, не удержавшись.

Рустам бросил взгляд на книгу и слегка пожал плечами.

— В молодости я хотел стать архитектором, — ответил он, и в его голосе прозвучала нотка ностальгии. — Но жизнь сложилась иначе. Теперь я строю дома, а не проектирую их. Но тяга к прекрасному осталась.

Алина посмотрела на него с новым интересом. Этот человек был полон противоречий. Он мог быть жестоким и властным, но при этом хранил книги об искусстве и мечтал о другой жизни. Она вдруг поймала себя на мысли, что хочет узнать о нем больше. И тут же одернула себя. Он был ее похитителем, ее тюремщиком, пусть и в мягкой форме. Нельзя было забывать об этом.

Они вернулись в гостиную, и Рустам посмотрел на часы.

— Мне нужно работать, — сказал он. — Если вам что-то понадобится, позовите Мариам. Она здесь уже двадцать лет и знает этот дом лучше меня.

Он ушел в кабинет, и Алина осталась одна. Она поднялась в свою комнату, разобрала сумки, разложила вещи. Затем достала шкатулку и поставила ее на стол. Ключ, фотография, записка — все было на месте. Она села за стол и посмотрела на эти предметы, которые перевернули ее жизнь. Теперь у нее было время подумать.

Она вспомнила правила Рустама. Все они были направлены на то, чтобы контролировать ее. Но Алина не собиралась быть послушной овечкой. Она была реставратором. Она привыкла работать с тем, что скрыто, с тем, что требует терпения и внимания. И сейчас ей нужно было понять, что находится в шкатулке и почему это так важно. Она решила, что завтра, когда Рустам уедет, она начнет собственное расследование. Тихо, аккуратно, не нарушая правил — но и не позволяя им ограничивать ее.

На следующий день, проводив Рустама взглядом из окна — его машина выехала за ворота ровно в девять утра, — Алина спустилась в библиотеку. Мариам, пожилая женщина с добрыми глазами, принесла ей чай и печенье, и Алина, поблагодарив ее, осталась одна среди книжных полок. Она достала ноутбук и начала искать информацию о Дамире Воронцове. Но чем больше она искала, тем меньше находила. Никаких статей, никаких упоминаний, ни одной фотографии. Этот человек словно растворился в воздухе, оставив после себя лишь фамилию, которая всплыла в старой газетной заметке.

Она переключилась на поиск информации о компании «Стройинвест». И здесь ее ждал успех. Оказалось, что компания была ликвидирована двадцать восемь лет назад, сразу после скандала, связанного с хищениями в особо крупных размерах. В скандале были замешаны несколько высокопоставленных чиновников, двое из которых покончили с собой, не дожидаясь суда. Алина почувствовала, как холодок пробегает по спине. Она начинала понимать, во что ввязалась. Это была не просто старая фотография. Это была бомба замедленного действия, способная уничтожить репутации и жизни многих людей.

Она углубилась в чтение, делая пометки в блокноте, и не заметила, как пролетело время. Обед она пропустила, и только когда за окном начали сгущаться сумерки, она оторвалась от экрана. Рустам должен был вернуться с минуты на минуту. Алина закрыла ноутбук и потянулась, разминая затекшую спину. Она чувствовала себя одновременно уставшей и воодушевленной. У нее появилась первая зацепка, первая ниточка, за которую можно было потянуть.

Она вышла из библиотеки и направилась в сторону кухни, чтобы попросить у Мариам чашку кофе. Коридор, ведущий на кухню, проходил мимо кабинета Рустама, дверь в который была приоткрыта. Алина замедлила шаг. Из кабинета доносились голоса. Один принадлежал Рустаму, второй — Тимуру, который, судя по всему, вернулся вместе с ним. Она не собиралась подслушивать. Это было не в ее правилах. Но что-то в голосе Тимура — резком, взволнованном — заставило ее остановиться.

— Ты уверен, что это она? — спрашивал Тимур. — Рустам, это слишком серьезно. Если ты ошибаешься, мы все окажемся под ударом.

— Я не ошибаюсь, — ответил Рустам, и его голос был холоден, как лед. — Она — ключ. И она сама еще не понимает, насколько. Но она узнает. Я сделаю так, что она узнает.

Алина почувствовала, как сердце пропускает удар. Они говорили о ней. О ней, как о ключе. Как об инструменте. Она прижалась к стене, боясь дышать. Голоса стали тише, и она не разобрала следующие слова. Но и того, что она услышала, было достаточно. Рустам не просто защищал ее. Он использовал ее. И Тимур — Тимур, который казался таким доброжелательным, — был частью этого плана.

Она бесшумно вернулась в свою комнату и закрыла дверь. Прислонившись к ней спиной, она попыталась унять дрожь в руках. Ее снова использовали. Как и много лет назад, когда она была ребенком и не понимала, что происходит. Но теперь она не была ребенком. И она не собиралась позволять кому-то решать за нее.

Она села за стол и посмотрела на шкатулку. Теперь она знала, что делать. Она найдет правду сама. И она не станет делиться ею с теми, кто видит в ней лишь инструмент. Даже если для этого ей придется нарушить все правила Рустама.

Глава 6. Первая трещина

Ночь прошла без сна. Алина лежала в постели, уставившись в потолок, и в голове ее снова и снова звучал обрывок подслушанного разговора. «Она — ключ. И она сама еще не понимает, насколько». Слова Рустама жгли ее изнутри, как раскаленные угли. Она прокручивала их в памяти, пытаясь найти оправдание, пытаясь убедить себя, что ослышалась, что неверно истолковала услышанное. Но голос Тимура, полный тревоги и сомнения, и холодный, уверенный ответ Рустама не оставляли места для сомнений. Ее использовали. С самого начала. С того самого момента, как она открыла шкатулку, она стала пешкой в чужой игре, и тот, кто обещал защиту, на деле лишь крепче сжимал поводок.

Утром она спустилась в столовую с твердым намерением не показывать виду, что что-то изменилось. Она улыбнулась Мариам, поблагодарила за завтрак, даже съела кусок лепешки, хотя еда казалась ей безвкусной, как бумага. Рустам уже сидел за столом, углубившись в бумаги, и Алина, бросив на него короткий взгляд, отметила, что он выглядит уставшим. Тени залегли под его глазами, и морщина между бровей стала глубже. Но она не позволила себе проникнуться сочувствием. Этот человек был опасен. И теперь она это знала наверняка.

— Доброе утро, — сказал он, не поднимая головы. — Как спалось?

— Хорошо, — соврала Алина, садясь напротив. — Я нашла кое-что в библиотеке. О компании «Стройинвест». О скандале, который произошел много лет назад.

Рустам наконец поднял на нее глаза. В них мелькнул интерес.

— И что же вы нашли?

— Компания была ликвидирована. Двое чиновников покончили с собой. Много денег исчезло. И мой отчим, судя по всему, был в центре этой истории. — Алина говорила ровно, стараясь, чтобы голос не выдавал ее волнения. — Вы знали об этом?

Рустам отложил бумаги и откинулся на спинку стула. Его лицо осталось непроницаемым, но Алина заметила, как на мгновение дрогнули уголки его губ. Он что-то скрывал. Она была уверена в этом.

— Знал, — ответил он коротко. — Но не все детали. Дамир Воронцов был посредником. Он связывал людей, которые не хотели быть связанными. Деньги, документы, подписи — все проходило через его руки. А потом он исчез. Вместе с документами.

— И вы думаете, что эти документы — в моей шкатулке?

— Я думаю, что часть из них. Но не все. — Рустам встал из-за стола и подошел к окну. Он смотрел на заснеженный сад, и в его позе была та самая напряженность, которую Алина уже начала узнавать. — Ваша мать была умной женщиной. Если она хранила эту шкатулку столько лет, значит, она знала ей цену. И значит, она понимала, что просто так эти документы не уничтожить. Она ждала.

— Ждала чего? — Алина тоже встала, чувствуя, как внутри поднимается волна холода.

— Момента, когда их можно будет использовать. Против тех, кто виноват. — Рустам повернулся к ней, и в его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Что-то похожее на боль. — Ваша мать была не просто библиотекарем, Алина. Она была свидетелем. И, возможно, жертвой. Как и мой брат.

Алина хотела ответить, хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот момент в столовую вошел Тимур. Он выглядел встревоженным и, бросив быстрый взгляд на Алину, подошел к Рустаму.

— Рустам, — сказал он тихо, но Алина услышала. — Есть новости. Из города. Люди Валиева снова вышли на связь. Они хотят встретиться.

Рустам напрягся. Его лицо стало жестким, как камень.

— Когда?

— Сегодня. Через два часа. Они говорят, что у них есть информация о документах. И о девушке.

Тимур не смотрел на Алину, но она поняла, что «девушка» — это она. Ее снова обсуждали, снова решали ее судьбу за ее спиной. Она почувствовала, как внутри закипает гнев, но заставила себя молчать. Сейчас было не время для сцен.

Рустам кивнул Тимуру и повернулся к Алине.

— Оставайтесь здесь, — приказал он. — Я вернусь к вечеру. Мариам приготовит вам обед. Если что-то понадобится, позовите охрану.

Он направился к выходу, и Алина смотрела ему в спину, чувствуя, как в груди разрастается что-то темное и горькое. Он уходил. Снова уходил, оставляя ее в неведении, снова решал все сам. А она оставалась в этом доме, как птица в золоченой клетке, и ждала, когда ей соизволят сказать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.